

НАТАЛЬЯ МОЛЧАНОВА

Мы жили не таясь

ВОСПОМИНАНИЯ

Семейные
ценности

Наталья Молчанова

Мы жили не таясь. Воспоминания

«Издательские решения»

Молчанова Н.

Мы жили не таясь. Воспоминания / Н. Молчанова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517887-9

В этой книге мне хотелось рассказать моим дорогим потомкам о том, как жила моя семья в 50—60-е годы прошлого столетия, передать свои детские впечатления от переживаемых событий, а также некоторые осознания и размышления с позиции взрослого человека. Книга написана в продолжение семейной летописи рода Никольских, начало которой положил мой папа Михаил Александрович — светлая ему память!

ISBN 978-5-00-517887-9

© Молчанова Н.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1. МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА – ЭТО МОЯ СЕМЬЯ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мы жили не таясь Воспоминания

Наталья Молчанова

*Посвящается моей мамочке, Зинаиде Антоновне Никольской, –
человеку с необыкновенно чистой душой и большим любящим сердцем.*

Литературный консультант Диана Королькова

© Наталья Молчанова, 2020

ISBN 978-5-0051-7887-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Удивительная штука – Жизнь... В детстве мы все, во всяком случае, мое поколение, рожденное в начале 50^х годов минувшего века, хотели побыстрее вырасти, стать взрослыми.

И вот сейчас мне «перевалило» далеко за 60... и многое довелось испытать и пережить на этом пути. Наблюдая, как растут мои замечательные внуки, иногда хочется окунуться в те далекие годы детства, чтобы рассказать им о том, как мы жили тогда – без компьютеров, смартфонов и даже простых телефонов, без элементарной бытовой техники вроде холодильников и стиральных машин, без заморских джинсов и жвачек, без сникерсов и киношных супергероев.

У нас были другие герои – не выдуманные, а живые или погибшие, но настоящие: наши деды и отцы – те, кто совсем недавно (каких-то 5—10 лет назад) защитил страну от фашизма, от порабощения. Конечно, невозможно сравнивать жизнь моих родителей с моей, им было гораздо труднее, чем мне. Но они справились, выстояли, выжили, сохранили при этом веру в добро и собственные силы. Не только сохранили, но и сумели передать нам – детям, внукам, всем будущим поколениям рода Никольских-Бахановичей.

Начало нашей семейной летописи положил мой папа Михаил Александрович Никольский, написав книгу воспоминаний «Кровью своего сердца». Продолжение этой летописи в изложении мамы Зинаиды Антоновны Никольской (Баханович) еще ждет своего издания. Видимо, родители, особенно папа, оказали очень глубокое влияние на мою дочь Диану. Именно она в свое время взяла на себя этот труд – подготовила и выпустила два издания папиных воспоминаний. А сейчас кропотливо и настойчиво «копает» историю жизни бабушки, готовит к изданию ее книгу.

Признаюсь, я никогда не собиралась писать воспоминания о своем детстве. Не думала, что это будет интересно – обычная мирная жизнь, как тысячи других. Что же меня заставило? Почему я решила все же поддержать начинание Дианы, ее проект «Семейные ценности»? Я поняла, что для нее это очень важно! Она – единственный активный «продолжатель» дела своего деда и моего отца. Как однажды сказал мой брат Александр, «Дианочка – самая Никольская из всех Никольских».

Папа очень хотел, чтобы летопись нашего рода была и продолжалась. Не случайно он начал свои воспоминания со стихотворения, где есть такие строки: «...будет длиться начатая мной простой семьи история простая». Благодаря любимой внучке Диане мечты дедушки осуществляются...

Да, помнить прошлое своей семьи и всей страны в целом, извлекать из него полезный опыт очень важно. Не менее важно донести все это до младшего поколения и будущих потомков. Кто-то скажет, что время было другое, условия жизни... все так! Но истинные ценности, на мой взгляд, – вечны!

Конечно, я не сразу пришла к осознанию этого, пришлось пережить довольно суровые испытания, вскрыть и признать свои теневые стороны, чтобы услышать, наконец, собственную Душу. И с высоты прожитых лет, размышляя о жизни моих родителей, вспоминая и оценивая свое детство в родной семье, я поняла, что самое важное в жизни – это любовь... к себе и всему окружающему миру, это настоящая дружба, вера в себя, свои силы и возможности. Это родные и близкие люди, здоровое питание, свежий воздух и вода – все то, что дарует хорошее настроение, счастье и судьбу, которая непосредственно зависит от позитивного восприятия жизни.

И что самое интересное, всё это купить невозможно. Как сказано в одной мудрой притче: «За деньги можно купить постель, но не сон; еду, но не аппетит; лекарства, но не здоровье; слуг, но не истинных друзей; женщин, но не любовь; жилище, но не уютный домашний очаг; развлечения, но не радость; образование, но не ум. И то, что названо, не исчерпывает список».

Купить за деньги можно лишь материальные блага, но они не дадут вдохновения и желания жить дальше, потому что они не могут согреть душу. А если душа не наполнена заботой и любовью, то у вас ничего и никого нет!

В этой книге я без прикрас описала свои детские впечатления о жизни нашей семьи в середине XX века. Да, временами было очень трудно. Под влиянием существующей системы и некоторых присущих ей форм «воспитания», я «набирала» в подсознании кучу ограничивающих убеждений и детских травм, которые впоследствии пришлось осознать и принять, чтобы... изменить себя, а значит и свою жизнь. И сегодня могу с уверенностью сказать: «Я счастлива! Моя жизнь проходит не напрасно, потому что в ней есть истинные ценности».

Глава 1. МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА – ЭТО МОЯ СЕМЬЯ

Мама... так много хочется рассказать о ней, и не только на основе детских воспоминаний, а гораздо больше – как представляется мне мама и ее жизнь сейчас, когда я сама давно уже бабушка. В детстве мы многое не замечаем, а с годами начинаем видеть и понимать больше и глубже.

Мы с мамой в Селищах, 1956 год

Оглядываясь в прошлое, я не могу вспомнить ни одного случая, когда бы мама дома просто сидела и ничего не делала. Она вставала утром раньше всех и уходила спать позже всех, все время была занята каким-то делом. Я не помню, чтобы в детские годы мы когда-нибудь разговаривали с ней «по душам», обнимались. У меня и в мыслях не было отвлекать маму своими вопросами и проблемами, потому что она всегда была чем-то озабочена, и я понимала, что забот у нее, действительно, «выше крыши». Но при этом у меня почему-то всегда было ощущение, что моя мама – самая лучшая, самая добрая.

Наша семья жила очень скромно, и я видела, что мамы моих подружек одеваются богаче, носят какие-то украшения, красятся¹. Некоторые из них внешне были красивы. Но моя мама – даже без всяких украшений (у нее и обручального кольца никогда не было), без модной и красивой одежды – все равно самая хорошая! Сколько я помню, она всегда обо всех заботилась и при этом излучала доброту, никогда не жаловалась, не роптала, что тяжело.

Судьба ей выпала трудная. Она была старшая дочь в семье, еще сестра Лида и два брата – Антон и Миша (инвалид с рождения – глухонемой с нарушением координации). Её мама, моя

¹ Имеется ввиду нанесение макияжа, но в те годы мы даже слова такого не знали.

бабушка, никогда нигде не работала, домохозяйка. Её отец, мой дедушка, был учителем, а затем и директором школы, хотя высшего образования не имел.

Когда началась Великая Отечественная война, маме было 16 лет, она успела закончить только 9 классов, но дедушка, будучи директором школы, выписал ей аттестат об окончании 10-летки. Уже в первые дни войны Слуцк бомбили, а затем и оккупировали фашисты, поэтому единственным спасением для семьи коммуниста, как решил дедушка, было поспешное бегство на восток. Оставили почти все имущество, бросили в телегу самое необходимое, запрягли лошадь и... в путь. Младшие дети на телеге, а родители и мама – пешком... сотни километров... под бомбежками. Едва успели в Могилеве до прихода немцев погрузиться в последний эшелон, идущий на восток.

Так оказались в пос. Старо-Александровка Бузулукского района Оренбургской области. И началась у мамы трудовая деятельность. Помню, мама говорила, что она в детстве хотела быть врачом, но жизнь распорядилась иначе. В свои 17 лет мама стала учить детей и в дальнейшем посвятила себя этой профессии. В 1944 году экстерном, за три месяца, сдала экзамены в педучилище и получила право работать в школе.

И это было все ее образование! Я до сих пор удивляюсь и восхищаюсь! Мама была такой грамотной, такой умной, мудрой! Уже после возвращения в Белоруссию после освобождения в 1944 году, она немного (года два) поработала в Слуцком райкоме комсомола. Ей приходилось ездить по деревням и селам района и создавать там комсомольские ячейки, если были хотя бы три человека комсомольского возраста. Там же, в райкоме мама в 1946 году повстречала папу. Через год они поженились, мама ушла из райкома, устроилась в школу и 43 года проработала учителем начальных классов.

Правильно говорят, что образование и интеллект – разные вещи. Наличие высшего образования еще ничего не говорит о человеке, и судьба мамы это подтверждает. Она была прекрасным учителем, не зря ей было присвоено звание Заслуженный учитель БССР! Награждена Орденом Трудового Красного Знамени. У нас в доме всегда было много печатных изданий для самообразования, я помню газеты «Учительская», «Настаўніцкая» (на белорусском языке), журналы «Самообразование», «Начальная школа» и др. Мама постоянно училась сама и помогала молодым учителям, ведь она была зав. методкабинетом для учителей начальных классов города и района (без оплаты – общественная работа). Как я всегда гордилась ею!

Моя мама – Зинаида Антоновна Никольская (Баханович)

Мне трудно представить, как она все успевала. Ведь что такое учитель малолеток – каждый день две стопки тетрадей для проверки (а классы были по 40 детей!), каждый день составление планов уроков. Плюс еще общественная работа! Сначала председателем месткома профсоюза, потом 11 лет секретарем парторганизации школы.

Конечно, я была рада, когда мама стала привлекать меня в помощь. Примерно с 5-го класса я уже проверяла тетради маминых учеников и ставила оценки. Сначала мама проверяла сама одну тетрадь и давала мне для образца, а остальную пачку проверяла уже я. Но вскоре она начала доверять мне проверку без этого.

Я также помогала готовить наглядные пособия для уроков арифметики: рисовала звездочек, грибочки, всякие разные картинки для счета. Придумывала что-нибудь интересное, например, однажды нарисовала на сене несколько цыплят, а потом под ними сделала прорези, туда вставила нарисованные и вырезанные яйца из двух половинок, чтобы они закрыли цыплят. На уроке цыплята «появлялись из яиц» на глазах изумленных детишек. И они считали, сколько было яиц, сколько вылупилось цыплят и сколько осталось яиц.

Кроме того, я оформляла календари природы по сезонам (осень, зима, весна), где детки отмечали погоду каждый день: ясно, пасмурно, дождь, снег и пр. Я довольно часто приходила к маме в класс, видела, как они восхищались моими картинками («а правда это вы нарисовали?» – так и говорили «на вы!») Мне это так нравилось!

А еще раньше, когда мы только переехали в Слуцк, и я не ходила в садик, родители часто брали меня с собой на работу, потому что бабушка постоянно жаловалась на недомогание – то одно болит, то другое. Меня не всегда оставляли с ней, если к тому же старшие братья были в школе в первую смену.

Я любила ходить с мамой в школу. Она усаживала меня за последнюю парту, давала бумагу, карандаши – «рисуй и никого не отвлекай, сиди тихо». А мне было так интересно, кто что делает на уроке, интересно было слушать как мама-учительница рассказывает что-то. Удивительно, но я ни разу не слышала, чтобы она повысила голос в классе, накричала на кого-то. А по окончании урока ученики, как правило, «облепляли» маму со всех сторон и засыпали вопросами. По их горящим глазам видно было, что они любят свою учительницу. Я до сих пор помню фамилии многих маминых учеников: Неделько, Хаустович, Германович, Мазаник, Леневиц и др.

Очень трудно было маме работать, когда у нее был класс полностью из воспитанников детского дома – 43 человека. Как она с ними справлялась?! Детки трудные. Переживала очень – это я хорошо помню, и жалела этих детей. Часто оставалась после уроков с отстающими, чтобы еще раз рассказать, объяснить и подтянуть успеваемость, чтобы не оставлять на второй год (а был такой ученик у нее в 4 классе – из детдомовских, который по возрасту должен был учиться в 6-ом). Сколько сил, времени и нервов мама отдавала школе, детям, учительскому коллективу!

А дома – семья, хозяйство, больная бабушка. Домашних дел невпроворот, и все, в основном, на маме. Вставала «ни свет-ни заря», растапливала в кухне плиту-голландку, зажигала керогаз... готовила завтрак и обед (каждый день!), варила в чугунах еду для поросят.

Конечно, она со всем управлялась, как могла. Сама шила себе, мне и бабушке летние платья, если удавалось купить ситчик. Шила ночные сорочки из фланели и халатики из бумазеи. Специально училась в Слуцке на курсах кройки и шитья. Тогда же родители купили ножную швейную машину Оршанского завода (до революции заводом владел немец Зингер). Помню было мне лет 10... Мама сшила мне новое ситцевое платье – простенькое, без рукавчиков. Надела я его в первый раз, пошла гулять на улицу и... порвала. Мама меня не ругала, зашила дырку, только сказала: «Так и будешь носить, другого не сошью».

«Мама сшила мне новое ситцевое платьице – простенькое, без рукавчиков».

Про колготки в 50-60-е годы никто еще не знал. Я носила хлопчатобумажные чулки, и чтобы они не сползали, мама шила мне-дошкольнице «лифчики» – типа толика до пояса с застежкой на пуговицы на спине. По низу «лифчика» пришивались 4 широкие резинки: две спереди и две сзади. Снизу резинок прикреплялись специальные зажимы, за которые цепляли чулки. Зажимы постоянно отстегивались, чулки сползали... это было мучение. В школьном возрасте «лифчиков» у меня не было, чулки держались прямо на ноге широкими резинками, сшитыми кольцом.

Серьезные вещи для работы или «на выход», как говорила мама, она боялась шить, не считала себя умелой портнихой, боялась испортить ткань, доставшуюся с большим трудом. Поэтому приходилось просить «профессиональную» портниху – бабушку одного из маминых учеников. Она шила на заказ. Правда, «профессионализма» там было мало, она частенько портила вещь, потом исправляла. И в ее нарядах я чувствовала себя скованно, неудобно. Но... делать нечего – выбора не было. Чтобы купить вещь в магазине, нужны были деньги, а их все-

гда не хватало. Мама получала сначала 55 рублей, потом 70, папа чуть больше, бабушкина иждивенческая пенсия 32 рубля вся уходила на лекарства.

Бюджетом семьи управляла мама. Как ей удавалось сводить концы с концами?! Иногда мы все вместе обсуждали, кому что нужно в первую очередь. Конечно, приходилось часто брать деньги в долг у знакомых, потом возвращать... снова брать... Все мое детство прошло с ощущением нехватки денег. Я видела, как трудно приходится маме, и никогда ничего не просила. Хорошо помню, что первые наручные часики Минского объединения «Луч» мне купили в 9 классе – на день рождения.

Мамочка... сколько у нее было терпения и выдержки! Представляю, что она пережила, когда 6-летний Славка, обидевшись на папу, пешком ушел из Селищ в Слуцк! 10 километров по оживленному шоссе! И дошел, нашли его у тети Лиды в Слуцке. По рассказам знаю, что мама тогда прижала его к себе «живой сынок!» и ни слова упрека. Да и папе ничего не сказала... другая, может быть, отругала бы, что обещал взять сына с собой, а сам уехал один. Но она ничего не сказала, видела, что папа сам испугался и переживает, а значит, усвоил урок и впредь так не сделает.

Был, правда, один случай, когда я видела маму рассерженной и «воинственной». Не помню, сколько мне было лет. Я спала на раскладушке посреди маленькой комнатки, где, кроме меня, на «полупортной» железной кровати спали братья, а на второй, односпальной – бабушка. Однажды братья что-то не поделили, видимо, «бесячились», и на меня, спящую, упала толстая книга. С испугу я так заорала, что мама прибежала из кухни с мокрым полотенцем, вся дрожит, глаза навывкате... Наверно, она что-то кричала, но я помню только, что она с этим полотенцем «гонялась» за братьями по обеим комнатам. После этого мою раскладушку убрали, и я стала спать в зале на неразложенном диване (раскладывать его просто было некуда из-за тесноты).

Уже став взрослой, я поняла, какой мудрой была моя мамочка, как умела она правильно строить отношения с людьми. У папы характер был сильно надломлен войной, здоровье подорвано. Мама заботилась о нем, поддерживала. Часто отправляла в санатории, ущемляя материально и себя, и всех нас. Мы никогда не слышали от нее ни одного плохого слова о папе, ни одной жалобы на него, хотя повод для этого можно было найти. Наоборот, она всегда превозносила его в наших глазах. «Папа у вас очень умный и педагог от бога!» – повторяла она.

Каждый раз, когда готовила какой-нибудь доклад на партсобрание, она советовалась с папой и обязательно говорила, что его советы очень ценные. «Я бы сама так не додумалась написать! Как хорошо ты мне подсказал!»

У мамы было большое любящее сердце. Она согревала своим теплом не только нас – детей и папу. Она заботилась о младших сестре и братьях. После смерти бабушки в 1952 году только благодаря маме тетя Лида смогла получить высшее образование, дядя Антон поступил учиться в Высшее военно-морское училище имени Дзержинского в Ленинграде. Мама добилась места для брата Миши в Слуцком Доме инвалидов, потому что в нашей маленькой квартирке на 2-й Трудовой улице было очень тесно. Миша каждую неделю приходил к нам покушать домашней еды, что-то «рассказывал» о своей жизни – мы научились понимать его звуки! Все мои детские годы, которые я помню, мама безропотно ухаживала за вечно болеющей бабушкой...

Она была мамой всем, кто находился рядом.

Папа в моем представлении всегда обладал безусловным авторитетом. С ранних лет и до самой его смерти я обращалась к нему на «вы». Братья – нет, а я – только так. Пока мы жили в Селищах, папа бывал дома не часто: то в санатории лечился, то на экзаменацион-

ные сессии ездил (учился заочно), то по району «колесил» как зав. отделом культуры. В моей памяти с тех лет сохранился образ: высокий красавец... подтянутый, легкий, подвижный, веселый... пышные волосы зачесаны назад и точно посреди лба – круглая, выпуклая отметина (не знаю, что это было, потом она исчезла сама). Папа носил брюки-галифе, которые заправлялись в сапоги. Зимой у него были белые бурки с коричневыми полосками и каракулевая черная шапка-ушанка. Ездил папа на «Газике», сам за рулем. Когда собирался опять уезжать, мы обычно просили прокатиться с ним до околицы. Это была такая радость для нас!

Папино водительское удостоверение

С переездом в Слуцк папа стал работать в редакции районной газеты «Шлях Ильча». Я иногда бегала к нему на работу. Однажды он показал мне типографию, где в огромных, но невысоких, деревянных ящиках с ячейками лежали шрифты. Их использовали для набора текстов вручную. Руки женщины, которая выполняла эту работу, были черные (кажется, эта специальность называлась линотипист). Это меня так поразило – «как же она их отмое!» Сильно пахло типографской краской. Так что мне совсем не понравилось в типографии. А в кабинете папа все время был занят, я скучала, но не решалась его беспокоить – у него такая важная работа: зав. отделом пропаганды и агитации!

По разговорам дома я понимала, что папа не всегда находит общий язык с начальством и некоторыми коллегами. Да, он был «неуживчив», неудобен, но... справедлив. Помню, к нам иногда приезжали какие-то люди, жили у нас несколько дней, куда-то ходили с папой. Потом оказывалось, что все они – бывшие партизаны, воевали вместе. Папа сам разыскивал их в разных уголках Советского Союза. Приезжала тетя Дуся из Волгограда, которая была связной в отряде. Приезжал дядя Вася Адериho, Коняев (не помню имя) из Сызрани и еще какой-то дядя из Канска. Всем им (и многим другим) папа, как оказалось, очень сильно помогал. Его свидетельства и ходатайства помогли им получить документы участников партизанского дви-

жения – ветеранов ВОВ. Папа помогал и простым людям, которые обращались в редакцию со своими бедами и проблемами. Так что друзей и хороших знакомых у него было очень много.

Особенно хорошо я запомнила семью Фурсовых из Одессы. С дядей Костей папа прошел всю войну: вместе выходили из окружения от Киева, вместе каким-то чудом добрались до Слуцка, ушли в партизанский отряд и сражались до самого освобождения Беларуси. Летом 1962 года мы (все трое детей) с папой ездили к Фурсовым в Одессу. В письме маме 08.08.1962 папа писал: «Столько много впечатлений, что ни в каком письме не опишешь. Скажу откровенно: меня с детьми Костя встретил как родной, лучше родного – брат. И он, и Наденька при встрече со мной даже поцеловались. Как-то очень трогательно и близко была эта встреча. В первый день отдохнули, а затем два дня в море. Очень детям понравилось»²

Фурсовы жили в собственном доме. Свой сад. Помню веранду и деревянный арочный коридор, весь увитый виноградом. Только виноград еще не поспел тогда, кислый был. Но зато недалеко от Фурсовых жил еще один партизанский друг – дядя Коля Саенко, а у него было много абрикосов. Он нам сказал: «Ешьте, сколько хотите!» Вот мы отъелись тогда абрикосами! Хозяйка сушили их на пологой крыше дома (или сарая – не помню точно). Мы залезали на эту крышу, лопали абрикосы, а потом разбивали абрикосовые косточки, чтобы полакомиться «орешками».

Дядя Коля Саенко, тетя Надя и дядя Костя Фурсовы

Помню, как мы ходили по Одессе, все было для нас новым, ведь до этой поездки никто из нас, детей, нигде, кроме Слуцка, не был. Помню широкий бульвар с роскошными каштанами посередине (там мы ели мороженое на скамейке), панорамный кинотеатр... мы смотрели там какое-то кино. Я запомнила, что экран там был овальный, почти по всему периметру зала. И мотоциклы ехали как будто вокруг нас – так громко! А еще потемкинская лестница... широко-

² Во всех фрагментах писем, а также в выдержках из воспоминаний мамы, приведенных в книге, сохранена лексика и орфография оригиналов.

кая и ооочень длинная. Наверно, не все могли спускаться по ней, поэтому с одной стороны была сделана канатно-рельсовая дорога. По ней курсировали небольшие вагончики. Но мы, конечно, прошлись ногами.

От дома Фурсовых до черноморских пляжей было далековато, надо было ехать, поэтому мы бывали там всего несколько раз, помню Лузановку и Черноморку. Причем, на Лузановку мы плыли даже на катере – столько впечатлений! А пляж мне не понравился – берег каменистый и на мелководье у берега тоже булыжники.

Да, еще по дороге в Одессу со мной в поезде было приключение. Ехали в плацкарте. Папа играл в шахматы с попутчиком, а я лежала на верхней полке и наблюдала, свесив голову. От нечего делать теребила папины волосы одной рукой. Вдруг поезд резко дернулся, и я свалилась с полки прямо на шахматную доску! Все, конечно, испугались, подняли меня... а в боку торчит шахматная фигура – «офицер». Папа в свойственной ему манере дошел до начальника поезда! Нашли врача, обработали мне ранку... обошлось! Главное – ребра целы остались!

Каждое лето папа ездил в лес за грибами и ягодами. Мы, дети, всегда ездили с ним. Когда собирались за черникой и голубикой (белорусы называют эту ягоду «буяки»), мама тоже была с нами. А за грибами мы ее не брали – много надо ходить. Местные леса папа знал, как свои пять пальцев, знал и грибные места. В Верхутино их было особенно много. Ехали туда на дизеле (поезд такой), зато грибов привозили по 3—4 корзины! Дома чистили грибы тоже сами, и при этом вспоминали, кто какой гриб нашел, считали, у кого больше боровиков. А когда отправлялись в деревню Старево, где когда-то в детстве жила мама, мы останавливались у каких-то дальних родственников. Ночевали на сеновале и рано утром, еще до рассвета шли в лес. Ходили много... иногда натыкаемся на глубокую канаву, а папа говорит: «Здесь у нас была землянка в войну». Водил нас по партизанским тропам и всегда что-нибудь рассказывал. Он был великолепным рассказчиком!

Потом делали привал. Папа ложился на землю возле сосны, снимал обувь и, подняв ноги, упирался ими в дерево. «Так ноги быстрее отдохнут! Снимайте тоже и ложитесь». Очень нравилось нам перекусывать в лесу! Брали с собой хлеб, сало, отварные яйца, огурцы... Иногда папа разжигал небольшой костер, потом выстругивал из веток вилочки на два рожка, и мы жарили на костре хлеб и сало... вкусоотища!!!

Поскольку я была самой маленькой, папа помогал мне собирать грибы, чтобы моя корзинка не выглядела полупустой по сравнению с братьями. Но делал это так мудро и умело, что никому не было обидно. Я боялась далеко отходить от папы и частенько слышала: «Наташка, иди сюда... смотри (а там боровик!). Ищи вокруг, грибы семейками растут! А вон еще...» или «Кто-то здесь уже ходил... ничего – наши грибы нам достанутся!» Оптимист он был, несмотря на все тяжелые военные испытания и потери...

В 42-ом году фашисты расстреляли отца, в 43-ем заживо сожгли в землянке сестру, в 44-ом – перед самым освобождением Белоруссии – расстреляли мать... Папа рассказывал, что дважды приставлял пистолет к виску – хотел свести счеты с жизнью, но... выдержал, не сдался!

Закончились боевые действия в Белоруссии, вышел из леса в немецкой форме с оружием (чуть свои не убили!) – семьи нет, дома нет... Из-за ранений не взяли в действующую армию. В спине возле легкого остался осколок, правая рука повреждена взорвавшейся миной. Врач хотел ампутировать кисть, но отрядный фельдшер Василий Пепенин спас руку, хотя пальцы уже никогда не сгибались и не выпрямлялись полностью.

В 1948 году осколок в спине напомнил о себе, воспалился, врачи обнаружили гнойный плеврит. Мама говорила, что папа тогда был на грани смерти. Спасли уколы пенициллина, который был в огромном дефиците. Маме удалось достать его через своего дядю Ивана Герасимовича Бахановича. Только получив пенициллин, Слуцкий хирург согласился сделать операцию, выломал два ребра и откачал гной. Можно сказать, это было папино второе рождение, заново учился ходить... Сила духа у него была необыкновенная!

Помню его слова: «Трудности закаляют человека! Пусть тяжело, а ты не поддавайся! Упорство и труд всё перетрут!» Приходилось соответствовать... с папой не поспоришь, он всегда прав.

По учебе мне не доводилось обращаться к папе, я больше Сашку просила, если что-то не понимала. Да и это было не часто, старалась сама. Хорошо запомнила, как папа помогал Саше решить задачку.

– Читай условие! (читает)

– Понятно? Еще раз читай! Вдумчиво читай! (и так раз пять)

Наконец, Саша радостно восклицает: «А-а-а, понял!» и быстро решает сам. Он потом и мне говорил, что главное – понять смысл задачи.

Воспитывая нас, папа никогда сильно не ругался и, тем более, не бил никого. Во всяком случае, я такого не помню. Но... однажды я порезала журналы «Огонек», там были фотографии артистов. Этих журналов у нас были подшивки за многие годы. Папа увидел, что я их «раскурочила» и... грозно так:

– Наташка! Иди сюда! Твоя работа?

Стою перед ним, глаза в пол – «Моя...»

У папы в руках широкий солдатский кожаный ремень, глаза буравят меня насквозь аж мурашки по спине.

– Ты видишь это? Ты знаешь, что это такое?

Глаза уже на мокром месте, хлюпаю носом, киваю головой.

– Еще раз увижу – почувствуешь на себе!

Но до этого никогда не доходило ни со мной, ни с братьями.

Иногда зимними вечерами, когда родители управлялись со всеми своими делами и были сделаны уроки (конечно, это случалось редко), мы всей семьей садились за большим круглым столом и играли в домино. Я была пятой-лишней, поэтому сидела у папы на коленях и «помогала» ему.

В новой квартире, когда братья уже учились в вузах Ленинграда, требования ко мне повысились. Стоило присесть на диван перед телевизором, папа сразу: «Чего ты сидишь без дела? Неужели не видишь, что пыль кругом? Почему тебе надо напоминать об этом? Вырастаешь неряхой – кто тебя замуж возьмет?» Теперь-то я понимаю, что он хотел мне добра и по-своему любил, а тогда... тогда мне было обидно. Потом забылось, ведь я всегда понимала, что папа делал для меня, для всех нас – все, что мог и как мог.

Все-таки он был очень добрый, хотя и строгий. А уж когда выпьет рюмочку – добрее его нет, «хоть к ране прикладывай», как говорила мама. Меня всегда удивляло, когда папе иногда приходилось где-то выпить, он шел домой абсолютно прямо и уверенно (мы жили на втором этаже и всегда видели в кухонное окно, кто идет и как идет). Но стоило папе перешагнуть порог... «Мамка, я выпил!» – и все... срабатывала кнопка «выкл.». И тогда мама, подставив плечо, буквально тащила папу к дивану, укладывала его, уже успевшего уснуть на ходу. Через мгновение в квартире раздавался характерный храп... Нет, папа не злоупотреблял алкоголем никогда. Но по субботам, приняв ванну, он любил за ужином принять стопочку. И при этом всегда напоминал: «Как говорил Александр Васильевич (Суворов) – после бани штаны продай, но выпей!» Помню, мне очень нравилось состояние папы «во хмелю», он действительно становился веселее и добрее. В компании гостей, а их в нашем доме было много, он очень любил петь. Особенно ему нравились «Подмосковные вечера» и белорусская «Ой, рэчанька-рэчанька...»

Мне, наверно, повезло – я в семье самая младшая и желанная, потому что папа очень хотел девочку, но сначала родились два сына. Старший Славик появился на свет всего через 2 года и 8 месяцев после Великой Отечественной. Мама рассказывала, что он рос хилым, худеньким. Конечно, время было голодное, да и папа вскоре тяжело заболел. Но, видимо, велика была у Славки тяга к жизни – перенес все невзгоды! Правда, на всю жизнь остался немного замкнутым, неразговорчивым – что называется «себе на уме». В детстве «шкодил» потихоньку... о его самовольном путешествии из деревни в Слуцк я уже упоминала. От родителей я узнала еще одну историю о нем.

Дело было еще до моего рождения, семья только переехала из Омгович в Селище. Своего жилья не было, поэтому снимали часть дома у какой-то бабки. И вот однажды мама пришла с работы и почувствовала в доме запах гари. Что такое?! Вдруг выходит сияющий Славик, весь в саже, мокрый, и радостно так сообщает: «Мама, я сам огонь потушил!»

Оказалось, он играл на печи, где лежали старые газеты (на них что-то сушили ранее), а на веревке над печкой висело постиранное белье. Славик взял спички и зажег газеты... естественно, пламя вспыхнуло очень быстро! Но малыш не испугался (не знаю точно, сколько ему было – 4 или 5 лет?!), снял с веревки папину рубашку, намочил в ведре с водой и накрыл горящие газеты. Конечно, большой пожар не случился, но Славке тогда сильно досталось. Папа первый и единственный раз побил его ремнем. Ведь чужой дом чуть не спалил! И после этого, где бы родители ни прятали спички, он все равно их находил и жег. Слава Богу без последствий!

Кое-какие картинки из жизни в Селищах я помню сама. Помню, что наша улица была с грунтовым покрытием. Летом в жаркие дни – пыль столбом, причем, пыль мелкая-мелкая, как мука, только серая. Да еще и теплая! Братья выходили гулять в одних трусах (типа семейных – синие или черные) и придумали себе игру: садились в эту пыль, нагребали ее в трусы, а потом, встав на ноги, зажимали трусы снизу и... галопом по улице! Вслед за ними – длинный шлейф пыли! Можно себе представить, какие они приходили домой! Я, конечно, в эти игры не играла, но... мама купала нас всех каждый вечер... в железном прямоугольном корыте (когда-то оно было оцинкованное).

Иногда, меня отводили к Дитяткиным, несмотря на мои слезы и сопротивление. Слава долго уговаривал, а потом просто брал за руку и тащил, как бы я ни упиралась. «Старших надо слушаться!» – это я усвоила хорошо.

У нас возле хаты был огород и много вишневых деревьев, именно деревьев – высокие, развесистые с толстыми стволами. И ягод было – немеряно. Когда они поспевали – крупные, темно-вишневые, – братики мои залезали в самые кроны и «трескали» вишни сколько хотели. А я стою внизу, задрав голову, и...: «Я тоже хочу!»

– Ну, давай, подставляй подол, сейчас накидаем, – это они мне.

Старательно вытягиваю подол платица, пытаюсь поймать сброшенные ягоды, но... как часто они летят мимо! Правда, когда братья слезали с деревьев, доставали вишни из карманов и честно высыпали мне. Делились! И еще давали мне смолу с вишневых деревьев. Она такого янтарного цвета и вкусная, сладковатая! Отличная была «жвачка»!

Мои братики Саша и Слава, а я в окошке. Зима 1956 года

Более тесные отношения у меня всегда были со вторым братом – с Сашей. Именно он стал для меня примером, когда мы жили уже в Слупке. Он был очень добрый и по-хорошему опекал меня. Помню, на пустыре мальчишки играли в футбол. Мы с Санькой подошли к ним (я же «хвостик» у него).

– О, Боча пришел! Давай к нам, как раз одного в команде не хватает!

Бочей друзья звали Сашу, потому что он был невысокого роста и пухленький. Правда, в 9 классе за одно лето он так «вымахал», что обогнал Славика. А меня Сашины друзья звали «Бочанка малая».

Санька мне: «Ты постой, будешь „болеть“ за меня».

– Не хочу болеть!

– Ну тогда вставай вот здесь – будешь штангой в воротах.

И я стояла... только успевала отворачиваться от летящего мяча.

Как я уже писала, Саша очень любил хоккей. Смотрел все матчи советской сборной и сам играл с ребятами при малейшей возможности. Сам мастерил клюшки, обматывал изолентой, разбивал и опять мастерил очередную. С поступлением в школу я с ним уже реже ходила на каток. Это был даже не каток, а небольшое озерцо (или болотце), которое зимой хорошо замерзало. Мы его звали «сажалка»³

Однажды Саша прибежал домой, в спешке бросил коньки и клюшку. Я вижу, что у него рот зажат рукой, спрашиваю: «Что с тобой?»

– Я скоро, только маме не говори.

И убежал... через какое-то время приходит. Верхняя губа распухла, ниточка торчит.

У меня на лице страх и недоумение – что произошло? Тебе больно?

– Все нормально! Это мне шайба попала в лицо! Подумаешь – швы наложили, заживет!

Так и остался этот шрам на губе на всю жизнь.

Вообще-то мы с братьями жили дружно, не дрались и даже не ссорились особо. Даже наоборот.

Однажды вся наша семья ужинала, сидели в кухне за столом. Зашел соседский мальчишка: «Саша, выйди на минутку, разговор есть». Саша как сидел с ложкой, так и вышел за ним. Только закрылась входная дверь – мы услышали Сашин крик. Подскочили все, а Славик махом рванул на крыльцо, где уже лежал братик. Поймал одного пацана, остальные сразу разбежались, встряхнул за воротник как следует. Тот не ожидал, захныкал: «А мы... ничего, мы просто пошутить хотели...»

– Еще раз так пошутите, будете иметь дело со мной! – грозно сказал Славка. Больше к Саше никто не «прикапывался».

Помню в конце 1963—начале 1964 года папа был в санатории в Башкирии, лечил туберкулез (аукнулось ранение и перенесенный плеврит). Мама решила уступить просьбам бабушки и повезла ее в Ленинград к сыну – дяде Антону. Остались мы вдвоем на целую неделю... в квартире без удобств. Славке было 14 лет, Саше – 12, а мне – 8. Славик, как старший, и печи топил, и готовил как мог. Один раз варил молочный суп, налил молоко, насыпал крупу. Поставил на огонь... в результате получилась каша... Бедный Славик морщился, но ел сам эту кашу, потому что мы с Сашей отказались наотрез.

Зато, когда готовила мама и поручала Славе накормить меня перед школой, – вот тут я уже не могла отвертеться. Братья оба в один голос: «Мама сказала тебя накормить – ешь, а то в школу не пустим!» А что значит для меня, отличницы, не пойти в школу – прогулять!

³ В Белоруссии слово «сажалка» обозначает пруд для разведения рыбы.

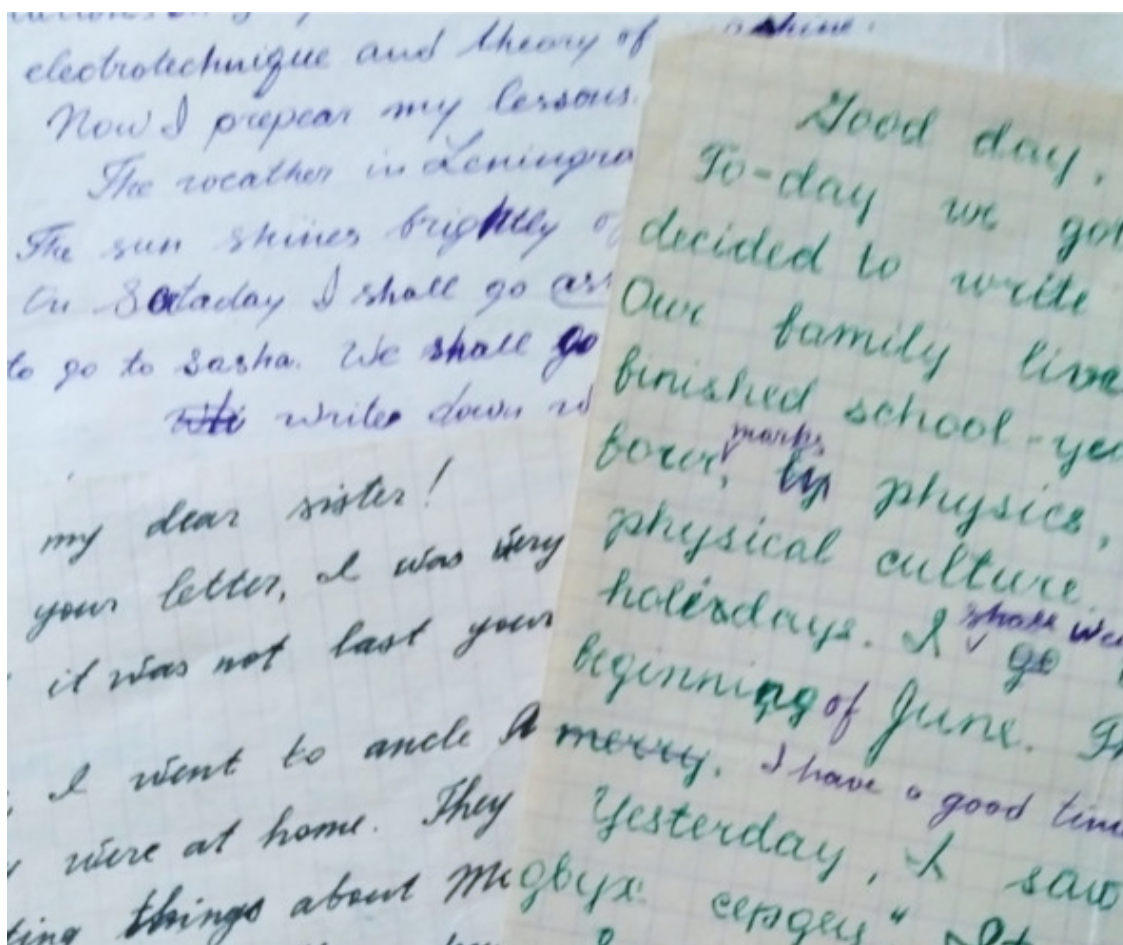
Катастрофа!!! Реву, слезы размазываю... давлюсь, но ем! И никакой обиды – ведь братья только выполняли мамино поручение!

Братик Саша успешно сдал экзамены за 1 курс института, июнь 1968 года

Я всегда равнялась на них, гордилась ими. Слава закончил среднюю школу с серебряной медалью, стал курсантом ВВМУПП (Высшее военно-морское училище подводного плавания) им. Ленинского комсомола, а Саша получил золотую медаль и поступил в Ленинградский кораблестроительный институт, который тоже закончил с отличием (красный диплом). Я

писала письма каждому из них отдельно. Одно время даже на английском языке, в семейном архиве сохранилось несколько таких писем. Это было очень интересно, хотя я все равно переводила родителям их ответные послания.

Переписка с братьями на английском языке.

Родных сестер у меня нет, зато двоюродных – аж три. У тети Лиды, маминой сестры две дочери – Наташа, моя ровесница, и Таня – на 4 года младше. С Наташей мы были очень дружны в детстве.

Моя сестренка Натка Власюк (в замужестве Гусак)

С 7-го класса мы с Наткой еще и учились вместе, в одном классе, и географию у нас вела Лидия Антоновна – тетя Лида. В школе Наташка была очень застенчивой, мнительной, всего боялась, хотя училась хорошо. А с друзьями, со мной – веселая и заводная!

Таня с рождения была очень болезненной. Тетя Лида все время лечила ее, возила летом на море, чтобы укрепить здоровье. Такое избыточное внимание и переживание за нее отразились на характере не лучшим образом. Учиться она не хотела, своевольничала, скандалила. А в 14 лет сбежала из дома через окно (на втором этаже). Оказалось, что она сбежала к мужчине значительно старше ее, и в 17 уже родила сына Колю. Правда, семья сложилась, они до сих пор вместе, живут «душа в душу», хотя Колю воспитать не сумели – тунеядствует, «воюет» с ними, обвиняет во всех своих неудачах.

У дяди Антона тоже в 1962 году родилась дочь Татьяна, я впервые ее увидела, когда после 9 класса мы с папой ездили в Ленинград. Танечка еще не ходила в школу. Это была кареглазая, румяная, довольно упитанная и ухоженная девочка со слегка кудрявыми волосами. Один ребенок в семье, где, кроме родителей, живет еще и бабушка Татьяна Дмитриевна Тарбеева (по слухам, дворянских кровей) – она вела себя очень уверенно и независимо. Мне, провинциалке из маленького Слуцка, не хотелось тогда общаться с Танечкой, я не знала, о чем с ней говорить. Она была из другого мира. Только став совсем взрослой, я поняла, насколько одинокой росла моя сестренка. Наши отношения изменились, она приезжала ко мне в Екатеринбург

на юбилей 50 лет. Встреча была очень теплой и с тех пор мы – действительно сестры, хотя общаемся редко.

В детстве, читая рассказы и сказки про добрых бабушек и дедушек, я не могла представить себе этого в собственной жизни. У меня не было такого опыта общения, как, например, у Оли из фильма «Королевство кривых зеркал», как у Кая и Герды с их бабушкой. Ласковые бабушкины руки никогда не погладили меня, не приготовили для меня что-то вкусное...

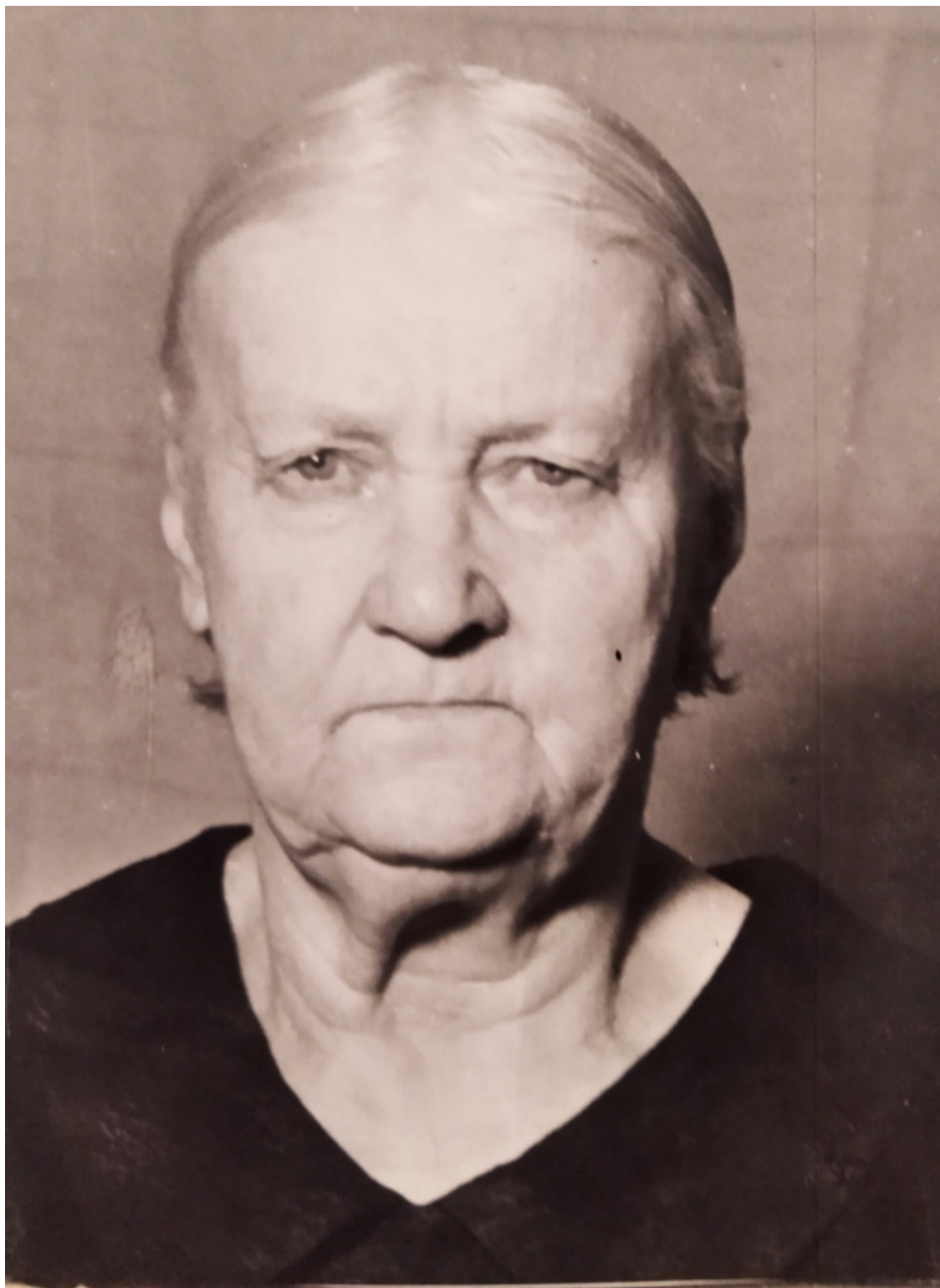
Как я уже упоминала, вся семья моего отца погибла во время оккупации Белоруссии фашистами. Поэтому я не знала ни бабушку Марию Францевну Никольскую (Устинович), ни дедушку Александра Михайловича Никольского, ни тетю Янину. Папа написал о них подробно в своих воспоминаниях, и мне добавить нечего.

Дедушка Антон Герасимович Баханович (мамин папа) тоже умер ровно за два года до моего рождения (в августе 1952 г.). Со слов родителей знаю, что он был очень умный и добрый человек. Мама очень тепло написала о нем в своих воспоминаниях. Чувствуется, что она его сильно любила.

Единственная бабушка, которую я знала в своей жизни – Анна Петровна Баханович (Брановицкая), мамина мама.

Мне 4 года... мы только переехали в Слуцк. Родители устроились на работу, братья ходят в школу, а меня с утра отводят к бабушке на ул. Покровского. Она живет с сыном-инвалидом Мишей в одноэтажном деревянном доме на 6 или 8 квартир (не помню точно). В каждой квартире свой вход с крыльцом. У бабушки одна комната и кухонька, печное отопление. Меня доводят до крыльца... я захожу в дом... посреди комнаты на коленях стоит бабушка и молится, кланяясь лбом до полу... снова распрямляется, что-то шепчет и снова гнется к полу. Так продолжается довольно долго, как мне казалось. Я сижу в кухоньке и боюсь пошевелиться, потому что бабушка очень недовольна, когда я мешаю ей молиться.

Миша редко был дома, когда меня приводили. Он все время «пропадал» на радиоузде, который располагался напротив через дорогу. Там у него появились друзья, которые принимали и привечали его – безобидного и беззлобного.

Бабушка Анна Петровна Баханович (Брановицкая)

В доме бабушки очень чисто и аккуратно – она была чистюля необыкновенная. Помню белоснежные подзоры⁴ на железной кровати (с вышивкой «ришелье»).

⁴ Подзоры – это отрезки белой ткани по длине кровати, которые скрывали пространство под ней. Железные кровати были довольно высокие и под ними стояли чемоданы, сундуки, корзины... Шкафы еще не вошли в обиход достаточно широко. Хозяйки оформляли подзоры красивой вышивкой, разными узорами. Подзор иногда пришивали к простыне.

Бабушка сама их вышивала – рукодельница была! Ее подзоры были достаточно широкие, и не пришивались к простыне, а закладывались под пружинный матрац. Матрац закрывался простыней, одеялом, сверху – покрывало, из-под которого был виден только ажурный бело-снежный накрахмаленный подзор. Очень красиво! А еще помню ажурную скатерть, связанную крючком из простых белых х/б ниток с двумя полосами красными нитками, а по краям – бахромы. Тоже бабушкина работа. На полу – домотканые дорожки-половички, всегда чистые. Нигде ни пылинки, все вещи на своих местах! Мне не разрешалось играть в комнате, большую часть времени у бабушки я проводила на улице, благо в соседних квартирах тоже были дети, в том числе мои двоюродные сестры Наташа и Таня (они жили в этом же доме).

Бабушка меня не жаловала, я чувствовала это. К сестрам она относилась иначе. Все дело в том, что я была не крещеная, а сестер она окрестила сама. Бабушка после смерти мужа стала очень набожной, постоянно ходила в церковь, соблюдала все церковные каноны. Меня родители-коммунисты окрестить не позволили.

В 1962 году бабушка отказалась жить одна – тяжело топить печки, воду носить, огород и пр. «У Ліды я жыць не змагу, там Аркадзь – п, яніца і дэбашыр, яна і так мучыцца з ім, бедная. Антончык далёка і жыве у жонкі з цешчай „на птушыных правах“. Зінка, бяры мяне да сябе, мне дрэнна!»⁵ – примерно так причитала бабушка, уговаривая маму.

И стали мы жить вместе – 6 человек на 29 кв. метрах... Мишу мама определила в Слуцкий Дом инвалидов, но он часто приходил к нам. Вот здесь на 2-й Трудовой улице я плохо помню бабушку. Она жила тихонько, никуда не выходила, вначале что-то делала по хозяйству. Все члены семьи были «при деле» – кто на работе, кто в школе. Потом все вместе в домашних хлопотах, а она – сама по себе. Только все чаще маме приходилось по настоянию бабушки вызывать «скорую помощь» и даже укладывать ее в больницу.

В новой квартире нас с бабушкой сначала поместили в одной комнате, изолированной. Кровати наши железные стояли вдоль стен, напротив. Бабушка от нечего делать начала штудировать «Медицинскую энциклопедию», которая стала для нее настольной книгой. Нашла у себя многочисленные симптомы различных болезней... И снова каждую неделю, а то и через день у нас «скорая»...

«Зіна, вызаві скорую, у мяне высокае даўленне... у мяне болі апярэзваюць!»⁶

«Доктар, у мяне усё баліць, укаліце мне дыбазол з папаверынам»⁷

Она уже начала диктовать врачам, как ее лечить. Один врач, уходя, сказал маме: «Ну, артистка! Зинаида Антоновна, она вас переживет!»

Но мама верила ей и отзывалась на любую просьбу. Надо натереть спину – пожалуйста, надо банки поставить – делает! Питание для бабушки готовится отдельно – диетическое, протертое, постное, чтобы никакого жира! Омлетик только из белков, в желтках холестерин. Огурчик протерт на пластмассовой терочке, чтобы не окислился! Кисель из овсяных хлопьев, творожок только домашний из простокваши! Отвар шиповника специально для бабушки, дефицитная в те годы гречка тоже.

Тарелки с едой мы подавали ей в комнату, в кухню она не выходила. Потом также забирали грязную посуду. Бабушка перестала выходить даже в туалет по малой нужде (ей же надо одеться – зять недоволен, когда она в сорочке ходит перед ним, а одежда на нее давит).

Я всегда сильно удивлялась, какой разной была бабушка. Днем, когда родители на работе, она выходила на балкон посидеть или... позволяла себе общаться со мной. Будучи в хорошем настроении, она рассказывала мне, что училась в женской гимназии и закончила 7 классов.

⁵ «У Лиды я жить не смогу, там Аркадий – пьяница и дебошир, она и так мается с ним, бедная. Антончик далеко и живет у жены с тещей „на птичьих правах“. Зинка, бери меня к себе, мне плохо!»

⁶ «Зина, вызови врача, у меня высокое давление... у меня боли опоясывающие!»

⁷ «Доктор, у меня все болит, уколите мне дибазол с папаверином».

С гордостью говорила, что это было хорошее образование в начале 20 века! Родителей она не помнила, они умерли (или погибли), когда ей было года 3. О ней заботились старшие братья Ипполит и Себастьян. Братья воспитывали ее как «паненку» и не разрешали ей дружить с «босотой» (детьми из бедных семей). Слушая рассказы бабушки, я не задумывалась о ее происхождении. Гораздо позже стала догадываться о ее дворянских корнях, подтверждение чему недавно «раскопала» Диана.

Иногда бабушка предлагала мне «перекинуться в карты», и мы играли «в дурака». Бабушка шутила, вспоминала стихи, которые знала еще в гимназии... От одного из них я долго смеялась и запомнила на всю жизнь.

Жасмин – хорошенький цветочек,

Он пахнет очень хорошо.

Понюхай, миленький дружочек!

Ах, как пахнет хорошо!

Все это происходило в отсутствии родителей. Но стоило только маме появиться на пороге... «Зіна, вызаві участковага, хай дае напраўленне у бальніцу, можа што зробіць і дапамогуць, бо трываць ужо не магу, няма сіл»⁸

«Зіна, не ведаю, што рабіць... даўленне высокае, падрабрынне баліць... выкліч скорую»⁹

1971 год... я закончила школу, еду поступать в вуз Ленинграда.

«Наташачка, от ты паедзеш и больш мяне не убачыш, памру. Я ужэ і абразок прыгатавала, і свечку»¹⁰

И так все пять лет, пока я училась, приезжала и уезжала...

Бабушка Анна Петровна прожила 83 года и ушла из жизни 6 декабря 1986 года.

Что я могу вспомнить из детства о нашей родне? По линии папы – очень мало. Родных у него после войны не осталось, только двоюродные братья: Ипполит, Станислав и Анатолий с одной фамилией Бируля и все Петровичи.

Дядю Ипполита помню очень плохо. Он приезжал к нам в Слуцк только раз, когда я была еще маленькой. В Минске я у них никогда не была. Его жену Майю вообще не помню. Не знаю, чем они занимались, были ли у них дети и какие.

⁸ «Зина, вызови участкового (врача), пусть даст направление в больницу, может что сделают и помогут, потому что терпеть уже не могу, нет сил».

⁹ «Зина, не знаю, что делать... давление высокое, подреберье болит... вызови скорую».

¹⁰ «Наташечка, вот ты поедешь и больше меня не увидишь, умру. Я уже и образок приготовила, и свечку».

Папа с двоюродными братьями: стоят – Ипполит и Станислав, сидят – папа, Иван (применный сын папиной тети Пэли) и Анатолий

Дядя Стась бывал у нас несколько раз. Вот он мне нравился... высокий, подтянутый блондин, всегда веселый. Как-то раз мы были в гостях у дяди Толи. Кажется, это была его свадьба с тетей Марией. Дядя Стась играл на гитаре и пел. Так задорно и весело звучали строчки из одной песни – «по рюмочке, по маленькой налей, налей, налей... по рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей». Песня скорее всего студенческая. Дядя закончил юридический и уже работал, но был не женат, хотя по возрасту уже мог бы иметь семью. Помню, папа все спрашивал: «Когда же ты женишься, Стась? Давно пора! Ведь тебе уже 30».

Станислав Петрович сделал хорошую карьеру, занимал высокую должность в Министерстве юстиции Беларуси – председатель комиссии по помилованию. А личная жизнь сложилась неудачно, отношения с женой (кажется, ее звали Валентина) разладились. Единственный сын Петр очень похож на отца, я видела его один раз в Минске в 1992 году.

Третий папин брат Анатолий жил в Слуцке на одной улице с нами (Парижской Коммуны), дома напротив. Их однокомнатная квартира была на 4 этаже пятиэтажки. Дядя Толя самый молодой из братьев, высшего образования не получил, простой работяга. Не знаю, где он работал, но помню его грязную промасленную рабочую одежду. Тетя Мария постоянно ругалась, что ее трудно отстирать. Она была женщиной крикливой, постоянно приходила к нам, жаловалась на мужа – пьет, мало зарабатывает...

А мне было жалко дядю, такой он был тихий, стеснительный. Не знаю, как бы он женился с таким характером, если бы их с Марией не познакомили. Кто познакомил, не знаю, но это факт. Мария работала буфетчицей в столовой железнодорожного вокзала, хорошо готовила, она была на несколько лет старше дяди Толи. Поженились, родили сына, назвали тоже Толиком. Претензии со стороны тети Марии росли и, конечно, при такой жизни дядя попал в зависимость от алкоголя, потерял здоровье и прожил недолго.

Если говорить о маминой линии, то я уже упоминала, что у нее были сестра Лидия 1926 года рождения, братья Антон (1935 г.р.) и Михаил (1938 г.р.).

Тетя Лида... Плотно сжатые тонкие губы, глубокие морщины на лбу, один глаз всегда слегка прищурен, выражение печали и страданий на лице... Такой я помню тетю Лиду с детства. Редко можно было увидеть ее улыбающейся. Она, конечно, была доброй и заботливой мамой, хорошей хозяйкой. Но жизнь ее потрепала очень сильно. Сначала война и эвакуация, о чем мама подробно написала в своих воспоминаниях. После войны закончила пединститут, несколько лет работала вторым секретарем Слуцкого райкома комсомола, а потом до выхода на пенсию преподавала географию в различных школах города.

Две семьи – Никольские и Власюк, 1 Мая 1959 года

В 6-й школе я тоже училась у нее, и мне нравились ее уроки. Лидия Антоновна рассказывала интересно, любила «гонять» учеников по карте и никогда не делала поблажек ни мне, ни Наташке (своей дочери). Строгая была учительница! Дисциплину в классе держала. Насколько я помню, она никогда не брала классное руководство и почти не участвовала в общественной жизни школы. Да, как коммунист она посещала партсобрания, но старалась все время «держаться в тени». Причиной тому, я думаю, – трудная семейная жизнь.

Её муж – Аркадий Васильевич Власюк, украинец (настоящий хохол!), когда они познакомились, в звании старшины заведовал столовой в одном из многочисленных военных городков Слуцка. Казалось бы – выгодная партия! Красавец с брутальной внешностью. Но характер оказался жесткий, даже деспотичный. Сына-первенца они потеряли в 1952 году из-за воспаления легких. Дядя Аркадий высшего образования не имел и после демобилизации устроился слесарем на авторемонтный завод. От этого завода получил двухкомнатную квартиру на главной улице Ленина. В семье к тому времени уже были две дочери.

Я старалась приходить в гости к тете и сестрам, когда дяди не было дома. В его присутствии обстановка в квартире была гнетущей. Нет, я не боялась его, но мне было неприятно видеть напряженные лица близких мне людей. Сестры росли в страхе. Впрочем, так жила и тетя Лида.

Помню однажды она пришла к нам вместе с девочками в слезах, что-то рассказывала маме (меня в это время выставили в другую комнату). Они остались жить у нас, и я каким-то образом узнала (возможно, от Натки, не помню точно), что дядя Аркадий в пьяном угаре устроил дебош, ругался, схватил топор и разрубил платяной шкаф, искромсал несколько платьев жены.

Потом он пришел к нам – трезвый, помятый, похудевший (кормить-то было некому!) и... смирный.

– Зина, открой или позови Лиду.

Мама вышла в коридор.

– Я тебя на порог не пушу и Лиду не позову! Ты ее из дома выгнал? Живи один!

– Зинка, я не могу один! Я больше не буду пить – обещаю!

Этот разговор на лестнице длился минут 15, но мама была неумолима! Как она разговаривала с ним! Я восхищалась ее внутренней силой! И поняла, что дядя Аркадий ее боится! Потом он еще не раз приходил к нам и умолял, но результат оставался прежним. Тетя Лида с девочками прожили у нас почти месяц. Больше он таких фокусов не устраивал, хотя пить продолжал еще долго, пока позволяло здоровье.

Я жалела и одновременно уважала тетю Лиду, любила приходить к ним в гости. Их квартира была обставлена лучше нашей, хотя она часто сетовала на нехватку денег. Полированная мебель, ковры, красивые статуэтки и посуда в серванте... у нас ничего этого не было долгое время. Я иногда рассматривала всю эту красоту, но зависти не было, это точно. В нашей семье не было культа вещей, все просто и функционально, зато жили дружно! Никогда не видела тетю Лиду за рукоделием, а вот еду она готовила здорово! Меня всегда угощала чем-то необычным и вкусным.

Прекрасная хозяйка, хорошая учительница, добрая женщина-жена-мать, привыкшая терпеть и страдать – такой я запомнила свою единственную родную тетю, Лидию Антоновну Власюк.

Дядя Антон... Мои детские воспоминания о нем весьма скудны. Но недавно я многое узнала из писем самого дяди, сохранившихся в семейном архиве. Еще до моего рождения в 1952 году он с серебряной медалью закончил среднюю школу и уехал в Ленинград, стал курсантом ВВМИОЛУ имени Дзержинского (Высшее военно-морское инженерное ордена Ленина училище) на факультете кораблестроения.

Пока учился, он каждый год приезжал в Селище, но я была еще маленькая и ничего не помню.

В одном из писем маме дядя писал об этом времени:

«Спасибо милым бузотерам – твоим маленьким хозяевам, что не забывают меня. Мне так хочется расцеловать их в обе щеки каждого!.. Сашенька всегда старается забраться к дяде на колени первым и повыше: как никак, легче своего братика. Славочка тоже не хочет отставать.

Дядя Антон – курсант на каникулах в Селищах с папой, 1953 год

Он ведь старший и, стало быть, должен быть первым, да к тому же не меньше Сашеньки любит дядю. И только Натулька всегда сосредоточенная и внимательная и нигде не отстающая от братьев, топает к дяде последней и с серьезным видом начинает взбираться вслед на братиками... Чудные дети растут. Я бы себе не желал иных».

Но один приезд дяди я немножко помню. Это было в 1960 году. Он приехал с молодой женой, тетей Ириной, которая показалась мне просто неземной красавицей! Тоненькая, стройная, точеная фигурка в потрясающем белом платье с юбкой-солнце! На белом фоне ткани

редкие веточки (или птичьи перышки) серо-голубого цвета. Необыкновенно красивое лицо с большими голубыми глазами в обрамлении выющихся белокурых волос длиной до плеч. Она казалась мне артисткой кино, небожителем!

В последующие годы дядя больше не приезжал к нам, но письма писал довольно часто. Мы читали их всей семьей, радовались его успехам и переживали, если новости были печальные. Дядя Антон очень дорожил своей семьей, всегда старался помочь маме (моей бабушке) деньгами, ведь она получала на двоих с Мишей лишь иждивенческую пенсию 32 рубля.

«Мне кажется, что все мы одинаково дороги друг другу. И я не представляю, как может быть иначе. Тот, кто не дорожит той семьей, теми узами, которые согревали его маленьким и которые вывели его в люди, тот не дорожит ничем в жизни, не любит свою землю и тот – пустой человек», – так написал он в одном из своих писем.

Дядя писал очень откровенные письма, часто с длинными философскими рассуждениями о себе, об отношениях с другими, о жизни в целом. В одном из писем папе он затронул тему воспитания и рассказал случай из своего детства, который вызвал у меня щемящее чувство любви и к дедушке Антону, и к его сыну (дяде Антону). Привожу этот фрагмент дословно:

«Вот, в основном, и все, что я хотел написать вам. Остался еще один маленький вопрос, на котором хотелось бы остановиться подробнее. Это касается папки и его умения воспитывать детей. Прошу только принять это не как совет, а как рассказ – откровение.

Первое, что хочется подчеркнуть, это то, как добр был папка, какое любящее сердце было у него. Это ему помогало очень и очень при воспитании нас. Помню, как сегодня, случай, когда папка, выведенный из себя тем, что я часто обижал Мишку, ударил меня ремнем. Это было еще на школьной квартире, классе в 6-ом. Не помню, что я тогда сделал Мишке, но почему-то я не считал себя виноватым в тот момент. Удар папы меня обидел настолько, что я, заплакав, забился куда-то в угол. Мгновенно вспыхнула злость и желание не подчиняться отцу. И вдруг отец, так неожиданно для меня, как ребенок, сам заплакал, обнял меня, поцеловал и извинился. О! Как это на меня подействовало! Я почувствовал, что отец – это самое дорогое и любимое для тебя. Я почувствовал всю свою вину перед ним. Я признал сам, хоть он и не просил меня более о том, всю вину перед ним и поклялся больше никогда не повторять плохого. Я не хочу, Миша, сказать, что это какой-то педагогический прием. Утверждать это было бы глупо. Ведь слезы появились у него не по заказу. Попросту он очень любил нас. Настолько, что нам это трудно представить.

Но жаль, что мама была обратна ему по характеру. Как это отравляло нашу маленькую жизнь! Здоровье папе не позволило взять воспитание нас в руки окончательно. И потому по характеру в него вышла только Зина, первая из нас. На остальных большой отпечаток наложил характер мамы. Как неотделимых черт характера – доброты, сердечной теплоты – бывших у папы, у нас нет. Об этом часто говорил сам папка. А неурядица в семье, говоря обо мне, отдала меня от нее, сделала замкнутым, неразговорчивым дома. Я рос и воспитывался как бы на стороне. А потому папка, следивший только, чтобы я занимался, как следует, вел себя хорошо, всего остального и не заметил. Да и обвинять его в этом совершенно нельзя. Я чувствовал, что ему трудно справиться с работой, на остальное же у него не оставалось времени. А когда я иногда обижался, что он не хочет поговорить со мной, как с равным, пусть даже и чувствуя свое более глубокое знание жизни, свое превосходство, он меня не понимал.

Я делаю попытку открыть душу, излить ее, он двумя словами обрывает попытку. Было обидно до слез. Вы это видели.

Всегдашняя мрачная семейная обстановка толкала на проведение времени свободного где-нибудь у товарищей или в кино. А также воспитала какой-то мрачный, замкнутый, рассудочный характер. Да и чем же мне было заниматься, как не разбором обид судьбы? Прав я или нет? Почему меня часто ругает мама? Вот и привык всматриваться, мыслить. Пришел девятый класс, захотелось и с девочками подружить. Но замкнутость, рассудочность, слишком большое

знание жизни, обижавшее многих, отсутствие веселости не нашли отклика ни в чьей душе. А одна из них в минуту откровения сказала: «Тебе будет трудно найти подругу: таких, как ты, еще очень мало». Ну, что же, пусть будет так! Много и юмора, и трагики в этом факте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.